

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Мученик моды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524435

Аннотация

«– Что-с? Вы говорите – нужны поводы? А скетинг-ринг, разве это повод, по-вашему?»

– Позвольте, позвольте, почтеннейший... Мы с вами говорим про разное. В законе ясно указано пять поводов, влекущих за собою развод. Пункт первый: безвестное отсутствие одного из супругов. Это, кажется, вам не подходит?»»

Александр Иванович Куприн

Мученик моды

– Что-с? Вы говорите – нужны поводы? А скетинг-ринг, разве это повод, по-вашему?

– Позвольте, позвольте, почтеннейший... Мы с вами говорим про разное. В законе ясно указано пять поводов, влекущих за собою развод. Пункт первый: безвестное отсутствие одного из супругов. Это, кажется, вам не подходит?

– Совершенно верно. И я и жена с самого дня свадьбы не разлучаемся.

– Хорошо. Дальше. Неспособность одного из супругов к брачному сожителству...

– Куда там! Четверо детей – трое мальчишек и одна девочка. Чудесные ребятишки, я вам скажу.

– Очень приятно. Теперь: сумасшествие, заразительная болезнь, политическая смерть...

– Нет, нет. Все в полном порядке.

– Наконец: явно доказанное прелюбодеяние одной из сторон. Подходит?

– Ничуть. Живем, как дай бог всякому. Да, все это пустяки. Главное – скетинг-ринг.

– Простите. Не понимаю.

– Я и сам вижу, что вы не понимаете. Вы только не перебивайте меня, дайте я все по порядку. А то вы меня этими вашими юридическими тонкостями совсем замутите.

– Я весь внимание.

– Ну, так вот... С чего бы начать?.. Женат я, видите ли, пятнадцать лет. Есть у меня состояньице, не так чтобы уж очень большое, но, можно сказать, кругленькое. Веду я большие дела с хлопком, керосином и углем, по Волге мои пароходишки бегают, в двух банках я член правления, и так далее. Жить можно. Именьишко есть в Крыму да десятин тысячи полторы в Пензенской губернии. На дела, нечего бога гневить, не пожалуюсь.

– Что же лучше? Дай бог всякому.

– И семьей не обижен. Дети... тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить... растут веселенькие, крепенькие, как яблочки. Жена – красавица первый сорт, помощница в делах, чудесная мать, отличная супруга, правил самых честных.

– И великолепно! На кой же черт, с позволения сказать, вам думать о разводе?

– Постойте же, постойте же. В жене-то именно вся и причина. Понимаете... дайте-ка ухо... слабость у нее.

– Ай-ай-ай! Какая жалость... Неужели наследственное?

– Позвольте, да вы про что?

– Да все про эту несчастную слабость. Запой?

– Фу-ты, господи. Скажете тоже, типун вам на язык! Ничего подобного. Видите ли: модница она у меня. И это уже

не только слабость, а прямо скажу – болезнь... Если бы вы только знали, чего я, великомученик, от нее не натерпелся!.. Нет, благодарю вас... воды не нужно... простите... я сам... Я понимаю, какое это гнусное зрелище, когда плачет подобный мне гиппопотам... я сейчас оправлюсь... ну, вот и готово... еще раз прошу прощения.

И хоть бы она только франтила! Сделайте милость, сколько угодно. И покойник Ворт, и Редферн, и Пакэн – все к ее услугам. Мне бы даже лестно было это. В наших делах жена – вывеска мужа. Но нет. У нее, видите, особое щегольство – на честолюбивой, так сказать, подкладке... Хочется ей во что бы то ни стало иметь салон, и при этом самый модный... Этакая, понимаете ли, мадам Рекамье... Господи, чего мы только не проделали за наши пятнадцать лет замужества! Был у нас салон народнический, салон революционный, салон социал-демократический, салон кадетский, салон аристократический, салон национальный и салон декадентский. Ей-богу, всего и не упомяну. Когда-то было время, что у нас в красном углу висел мужицкий лапотъ из березового лыка и самая настоящая подоплека. Во время другого периода лезу я как-то рукой под кровать и – что за черт, думаю, как тяжело! Тяну – оказывается бомба. Помню также, ходили к нам такие молодые люди, в синих косоворотках и смазных сапогах. Поедали ужасающее количество булок с вареной колбасой, выпивали десятки самоваров чая (это уж нарочно такой стиль завела), кричали друг на друга, как бе-

шенные, и такие слова заворачивали, что я ровно ничего не понимал. Потом вдруг появились смокинги, цветы в петлицах, помещицьи затылки, дворянские зады, кадыки и животы, приятные баритоны с хрипотцой...

Но – салон – этого мало. Жена требовала, чтобы мы непременно шли в уровень с модою и во всех других статьях. Чайная колбаса – колбасой, но на жене шитье по самой новейшей парижской моде, а на мне последний крик английского шика. Под кроватью бомба, а все-таки мы должны предаваться самому модному спорту. Противоречие? Нелепость? Согласен. Но на какую глупость не отважишься, когда любишь, я вас спрашиваю?

– М-н-да-а...

– И я повиновался. Ворчал, вздыхал, крихтел, но повиновался. На старости лет, да еще при моем, как видите, животе, весь потный, одетый мальчиком во фланелевую рубашку с широким поясом, я скакал по лаун-теннису и орал, как дурак: аут, ин, адвенч! Занимался французской борьбой и ходил весь в синяках, точно пегий. Фехтовал, играл в футбол, ездил верхом, несмотря на то что самая моя большая радость в свободные минуты – это хорошо устроенный винт по полкопейки за фишку.

Вы думаете, я не бунтовал? Бунтовал. И однажды даже весьма серьезно. Это было в эпоху нашего декадентства. Какие идиотские картины появились у нас на стенах: представьте себе разбивную яичницу, в которую взяли и выли-

ли фунт малинового варенья. Это «Элегия C-dur». Какая мебель! Четыре стоячих макарона, на них раковина, а над раковиной лилия: это, видите ли, стул-с. Меня самого одевали в какие-то балахоны, узкие в плечах, широкие внизу. В петлицу мне втыкали подсолнечник, а в руках я должен был непременно держать трость с огромной рукояткой, и эту рукоятку для чего-то посасывать. «Так все делают, это мода, соси набалдашник!» Так меня постоянно учила жена.

Я все терпел. Я терпел даже позорище, которое из себя представляли наши декадентские вечера. Собирались к нам какие-то томные молодые люди, с подведенными глазами, некоторые в черных дамских капотах, изнеженные и искривленные. Они застывали в изогнутых позах, окаменевали и пророчествовали. Я все терпел – все их узывчивости, напевности, наддальности... Но когда один из них, здоровенный мужчина, с лицом иподиакона и с манерами смольной институтки, открыто заявил, что он признает на свете одно лишь наслаждение – знойную, но неразделенную любовь к таракану, – я не выдержал. Я тихонько вызвал этого эстета в переднюю, попросил его одеться и сказал: «Считаю до десяти. С последним счетом предлагаю вам на выбор два выхода: в дверь или в окно».

Он исчез. Исчезли и декаденты. Но, боже мой, какая буря упреков, какой океан слез опрокинулся на меня. До тех самых пор, пока декадентство не облиняло, я, как пария, был лишен огня, пищи и супружеского ложа.

Теперь, господин адвокат, я бунтую во второй раз, и бунтую окончательно.

Слыхали о скетинг-ринге? Слыхали? Стало быть, вы поймете.

В один прекрасный зимний день жена пробегает газету и говорит мне:

– Знаешь, Фопс (меня, собственно, зовут Фомою, – имя, правда, немного мещанское, а жена переименовала его в Фопс. По-моему, гораздо хуже выходит. Что-то собачье: не то Мопс, не то Фокс?..). Знаешь, теперь все катаются на деревянных коньках. Отчего бы и тебе не заняться этим благородным спортом?

У нее всегдашняя манера – приступать к моим мучениям с самым нежным и ласковым видом, но я наперед знаю, что решение ее – как железное. Протестую, – но без малейшего успеха. Едем на скетинг-ринг. Круглый, гладкий, как лед, манеж, а в местах для зрителей – пропасть публики, и, что всего обиднее, половина из них – наши хорошие знакомые, со многими из которых я имею солидные деловые связи. На манеже молодые люди обоего пола бегают и крутятся, как сумасшедшие, на коньках с колесиками. Грохот невыразимый! «Ну, думаю, попал я в переделку!» На ноги мне, не щадя моих мозолей, пристраивают такие же коньки, выводят меня на середину манежа и оставляют одного. Пробую сделать хотя малейшее движение вперед, но чувствую, что сию же секунду упаду. Вообще чувствую себя, как щенок на

лду. В это время мимо меня вихрем пронесется отчаянный гимназист – шапка набок, непозволительные кудри и лицо в прыщах. От быстроты его движения и грохота его коньков я теряю равновесие и – хлоп! – растягиваюсь ничком во всю длину моего тела. Ругаюсь в душе, пробую встать. Но едва только начинаю с четверенок переходить в вертикальное положение, как снова – бац! – и снова лежу, но уже вверх животом. Видели когда-нибудь навозного жука, положенного на спину? Так это был я. И, весь красный от стыда и усилий, слышу вокруг чудовищный смех.

Чья-то сострадательная рука, однако, поддерживает меня, и я с трудом встаю. Стою, как истукан, добрых десять минут, едва дыша от напряжения. Наконец рискую двинуться. Но ноги у меня сейчас же вывертываются и расползаются в стороны, и мне едва удастся опять собрать их. Проходит бог знает сколько времени, пока мне удастся проползти пять шагов. Немного ободряюсь. Решаюсь поднять с земли правую ногу и – бац! – трескаюсь затылком об асфальт и лежу на спине, беспомощный и жалкий, возвышаясь над землею круглым животом и испытывая ужасную боль в голове. Отовсюду хохот. С трудом открываю глаза. Передо мною вертятся мутно-зеленые и огненные мельницы, кругом меня грохот этих проклятых колес, в голове такое ощущение, точно в нее сзади всадили раскаленный стержень. И вдруг я с ужасом и болью замечаю свою жену. Она сидит в первом ряду и, закрывая лицо муфточкой, чуть не падает от хохота.

Тут меня взорвало. Какие именно я сказал слова, я не помню, да и вряд ли смею их произнести в вашем присутствии. Но произнес я их настолько энергично, что меня тотчас же подняли, в один миг освободили от коньков, торжественно увели в уборную и приложили льду к моему разбитому затылку. Помню также, что общее катанье прекратилось, и вокруг были только выпученные глаза и открытые рты.

В тот же день я заявил жене о разводе и переехал из дома в гостиницу. О примирении не может быть и речи, и вы о нем, пожалуйста, даже не заикайтесь. Я из тех людей, которые терпеливы, как верблюды, но раз скажут нет, то это – как камень. Я вас только попрошу, как человека с сердцем и как отличного юриста, помочь мне поскорее окончить это тягостное и мучительное дело.

Адвокат долго молчал, наигрывая на столе карандашом какой-то марш, потом прищурился и сказал:

– Я все-таки не вижу во всем, что вы рассказали, настоящего мотива, который удовлетворил бы консисторию. Разве сумасшествие?.. Но, право, затруднительно решить, кто из вас больше сумасшедший: вы или ваша достопочтенная супруга.